

A romantic couple in formal attire, a man in a black suit and a woman in a red dress, are shown in profile, about to kiss. The background is dark with a large, stylized red heart graphic. The text is overlaid on the lower half of the image.

Ольга Арунд

БЫВШИЕ.

Последний шанс

Самсоновы

Ольга Арунд

Бывшие. Последний шанс

«Автор»

2023

Арунд О.

Бывшие. Последний шанс / О. Арунд — «Автор»,
2023 — (Самсоновы)

Кирилл Самсонов — случайный любовник, который не должен был узнать о беременности, но он узнал и теперь не намерен меня отпускать. Вот только я не собираюсь прогибаться под человека, который не может забыть бывшую жену. Какие бы грехи он не хотел искупить. Однотомник.

Содержание

Глава 1. Олеся	5
Глава 2. Кирилл	9
Глава 3. Олеся	13
Глава 4. Олеся	16
Глава 5. Кирилл	20
Глава 6. Олеся	24
Глава 7. Олеся	26
Глава 8. Кирилл	29
Глава 9. Кирилл	33
Глава 10. Олеся	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Арунд

Бывшие. Последний шанс

Глава 1. Олеся

Когда ты дизайнер – это прекрасно. Гораздо хуже, когда ты хреновый дизайнер.

Хреновый дизайнер, который опаздывает на сделку всей жизни.

Перестук каблуков сливается в барабанную дробь, рискуя одним фальшивым тактом сломать мне шею на мраморной лестнице, а очередная телефонная вибрация неприятно бдздыкает по бедру.

Впереди последний пролёт, а всё, что хочет высказать мне шеф, он и так выскажет. Правда, уже после подписания контракта – и за опоздание, и за ущерб имиджу, и за то, что улыбаюсь недостаточно услужливо. И его не волнуют ни пробки, ни задержавшийся каменщик по Косулинскому проекту.

Его волнует ведущий дизайнер, которого нет.

Ещё бы!

Меня бы тоже волновало, если бы двум скромным федеральным компаниям приспичило объединиться и построить охренительное офисное здание в центре нашего города.

– Олеся, там тебя... – округлив глаза, начинает Аня, стоит мне показаться в приёмной шефа.

– Иду.

Пальто летит в кресло, следом – распечатки по последним двум стройкам. Потом заберу, после получасового выговора. А теперь...

Выдохнуть.

Смахнуть пылинки с юбки.

Улыбнуться.

И в миллионный раз открыть эту дверь.

– Добрый день! Прошу прощение за опоздание.

Прошмыгнуть мышью не даёт гордость, соорудить «В гробу вас всех видала» – то, что мне здесь пока платят. И тот, от кого зависит размер моего банковского счёта, сопровождает недовольным взглядом быстрое, но ни разу несуетливое дефиле к месту по его правую руку.

– Романовская Олеся Сергеевна, ведущий дизайнер вашего проекта, – с ненадуральной улыбкой сообщает Ляшенко Павел Петрович, владелец архитектурного бюро «Ляшенко и партнёры» и, по совместительству, мой работодатель. – Обладательница Железной награды в категории «Архитектура, дизайн зданий и сооружений» международной премии A' Design Award.

– Рада с вами познако... – Мой взгляд, наконец, отрывается от стола, на котором я до этого раскладывалась. – ...миться.

Чёрт!

– И мы рады, наконец, увидеть ту, кто обеспечит успех GreenTeam.

Где зам? Где представитель? Почему, блин, здесь сидит именно он?

– Рад представить Кирилла Александровича, – влезает шеф, пока передо мной мелькают картины ни разу не будущего дизайнера, – владельца «КлутсФин» и одного из заказчиков проекта. Надежда Игоревна, юрист «КлутсФин»...

Да какая уже разница кто тут кто, если глаза Кирилла Александровича никак не желают отрываться от моих, и ему откровенно плевать на распинаящегося шефа. Можно подумать,

он первый раз выслушивает всё это «честь для нас», «работа в удовольствие» и другое бла-бла-бла.

Не-ет, Самсонов смотрит только на меня.

Соблазняет. Дразнит. Заставляет вспомнить ту единственную ночь, когда сломались правила и рухнули все запреты.

– Что же, раз теперь все в сборе и знакомы...

Знакомы? Как бы да, мы знакомы.

Только не с Кириллом Александровичем. Не так официально. Потому что никто не будет думать об официозе, когда с одной стороны холодное железо машины, а с другой – обжигающее тело малознакомого мужчины. И искреннее: «Бесишь!» перед сносящим крышу поцелуем.

Потому что да, бешу. Не одного Кира Самсонова, но его – однозначно больше всех. С душой. Так, чтобы до скрипа зубов и холодной ярости в снисходительном обычно взгляде. Вот только меньше всего ожидалось, что его злость примет такой формат.

И что Кирилл Александрович окажется отцом моего будущего ребёнка.

Пока шеф отвлекается на нашего юриста, мне удаётся проскользнуть к двери. Контракт подписан, работодатель почти доволен и высказываться постфактум на тему моей якобы профнепригодности не станет.

– Олеся Сергеевна, – идеально-вежливый голос Самсонова останавливает меня уже в приёмной. – Могу я ещё раз взглянуть на предварительный дизайн GreenTeam?

– Конечно, Кирилл Александрович. – У тебя что, других дел нет? – Оставьте свои контакты, и я вышлю вам все наработки... – Взгляд на наручные часы. – Минут через десять.

– Олеся Сергеевна, я занятой человек и через десять минут буду ехать на следующую встречу. – Куда нам, простым смертным, до великих и ужасных! – У вас нет рабочего места? – с неподдельным удивлением интересуется этот...

– Олеся Сергеевна может выслать всю документацию на мой электронный адрес. – Его юрист, длинноногая блондинистая и грудастая Надежда Игоревна улыбается так широко, что демонстрирует мне ряд ровных белых зубов. – В удобное для Кирилла Александровича время я предоставлю выжимку из проекта.

Забавнее всего то, что «в удобное Кириллу Александровичу время» в её исполнении звучит как «только скажи и я разденусь прямо здесь». И становится интересно, Самсонов, что, не придерживается золотого правила «Не гадь там, где работаешь»? Хотя...

Наблюдающая за весельем, секретарша шефа Аня улыбается в ответ на мой взгляд. Возможно, спать с начальством теперь новый тренд.

– Надежда Игоревна, насколько я помню, в офисе вас ждут инвесторы. – Намёк понятен не только мне, как бы юрист тоже проникается, естественно, ни взглядом, ни жестом не дав понять, что это её задевает.

Интересная выдержка, явно многолетняя.

И позлорадствовать бы, но от Самсоновского отношения к любовницам, пусть даже на всё готовым, тошнит больше, чем от еды. А ещё откровенно напрягает, лежащий в верхнем ящике моего стола, тест. Тот самый, который за сутки вряд ли разрядился настолько, чтобы распрощаться с многообещающим «Беременна 2—3 недели».

– Действительно, – как ни в чём не бывало, улыбается Надежда Игоревна. – Спасибо за напоминание, мне и правда, нужно ехать. Была рада познакомиться!

И радости этой хоть ложкой ешь – счастье так и светится в тёмных глазах как бы юриста.

– До встречи.

И это не мне – Самсонову.

Нет, правда, её так разбирает только потому, что она с ним спит?

И почему это так бесит меня?

Хотя со мной как раз понятно, с первой нашей встречи Кирилл Самсонов стал моим персональным раздражающим фактором. И не любить кобелей это нормально. Особенно таких – заматеревших, профессиональных, которые даже не думают скрываться.

Вот только жаль, что это не помешало мне с ним же и переспать.

– Ань, я у себя, за вещами потом приду.

– Как скажешь, – пожимает плечами она и возвращается к компьютеру.

– Прошу. – Вместо того чтобы просто пройти в мой кабинет, Самсонов выпендривается и тут – стоит и насмешливо на меня смотрит.

– Только после вас, Олеся Сергеевна.

Это зачатки джентльменства или лишний повод оценить вид сзади? С другой стороны, всё, что хотел, Самсонов уже оценил. И даже не сегодня.

– Присаживайтесь, Кирилл Александрович, и рассказывайте, что конкретно вас интересует – экспликация, визуализация или обойдёмся простой развёрткой?

Собственный кабинет и собственный стол придают уверенности – как минимум в том, что мой маленький секрет так и останется только моим секретом. Осталось придумать как бы так извернуться, чтобы полтора года стройки не проходили под неусыпным Самсоновским взглядом.

Увы, считать он умеет.

А я не так чтобы умею врать.

– Красивый кабинет. – Уже не спешит ни на какую встречу Кирилл Александрович.

Вместо этого он осматривается и останавливает взгляд на той самой награде, которая исключительно благодаря столам шефа выставлена на всеобщее обозрение.

Ровно по центру стеллажа во всю стену, захочешь – не пропустишь.

– Мне тоже нравится.

Да, дизайнер из меня хороший.

Был.

– Зато не нравлюсь я, – констатирует Самсонов, облачивается о спинку кресла и переводит всё внимание на меня. – Почему?

– Не люблю кобелей.

Честный вопрос – честный ответ. И никакого желания играть с ним в поддавки. На карту поставлено то, что впервые страшно терять – мой ребёнок и будущее, в котором Самсонов мне ни за каким чёртом не нужен.

Да и кому нужен мужчина из категории «развлеклись-разбежались»? Ведь каким бы впечатляющим Самсонов ни был, он не станет ни любящим отцом, ни заботливым мужем – ему при рождении этого не досталось. А мне достался мозг, который понимает, что этого экземпляра не исправит даже могила.

Выпрямившись, я бросаю взгляд на часы:

– У вас мало времени, Кирилл Александрович, и много дел. Так как насчёт развёртки?

– Переспать со мной нелюбовь тебе не помешала. – И этот паршивец с самой наглой ухмылкой расстёгивает пуговицу пиджака и устраивается в кресле.

Хорош, зар-паз!

Несмотря ни на что – хорош.

В тёмном, явно сшитом на заказ, костюме, с галстуком в цвет, в идеально начищенных ботинках. О чём, вообще, говорить, если одни только Самсоновские запонки выглядят круче, чем половина наших дизайн-проектов?

И вот этот вот образчик мужской сексуальности расслабленно сидит в моём кабинете, задавая глупые вопросы. С жирным таким намёком. Который мой мозг расшифровывает пра-

вильно, примерно представляя причины и следствия, только пользы в этом – ноль, потому что внутри всё равно предвкушающе екает.

Не сердце – этот орган атрофировался после тридцати лет простоя.

– Сплю я дома, – положив локти на стол и сцепив пальцы, сообщаю с язвительной усмешкой. – Вне дома я...

– Предлагаю повторить.

Как не давлюсь собственными словами – не знаю.

Повторить? Серьёзно?

Но нет, Кирилл Александрович не шутит.

Кирилл Александрович смотрит на меня и молчит. Просто молчит, в то время как мурашки дружным строем маршируют вдоль позвоночника, захватывая все остальные, жаждающие повторения, части тела.

Да, Самсонову есть что предложить.

Да, забыть об этом сложно.

И да, мой отказ в систему Самсоновских координат не входит.

– Самсонов, – ласково и с нежной улыбкой, – ты охренел?

– Я рационален, – невозмутимо, словно читает лекции по управлению финансами, отвечает он. – Работать нам, госпожа Романовская, долго, так почему бы не провести это сложное время приятно? Тем более, – подаётся вперёд всё Самсоновское эго, – что я тебя хочу, а остальное вопрос времени.

Непробиваемый! И реально обнаглевший до такой степени, что отказ кажется ему интереснее согласия.

– Хотеть невредно, – усмехнувшись, я откидываюсь на спинку стула и закидываю ногу на ногу. – Или ты думаешь, что, работая с тобой, я стану прибегать по каждому щелчку? Вернись в себя, Самсонов – эта встреча станет единственной в веренице бесконечной будущей переписки. И переписки даже не с тобой, с каким-нибудь замом по проектам, есть же у тебя такой? Или и здесь подsunешь свою безотказную как бы юриста?

– Разве желание клиента – не закон? – И мне бы ответить, на исконном русском, который матерный, но слова заканчиваются, когда Кирилл Александрович поднимается.

По-хозяйски обходя мой стол, с бездушным интересом скользнув взглядом по пресс-папье и монитору. Становясь всё ближе, пока, наконец, не разворачивает меня к себе за подлокотники офисного стула.

Заставляя дёрнуться, когда от его неаккуратного движения приоткрывается ящик с лежащим внутри тестом.

Глава 2. Кирилл

Что-то меняется.

В глазах, позе, во всей той самоуверенности, что сквозит в каждом её движении.

Олеся, которая оказалась Сергеевной и Романовской, напрягается. Уже по-настоящему, а раздражающая всё это время насмешка прячется за серьёзным выражением распахнутых глаз.

Ещё шаг.

На моих губах ироничная ухмылка, внутри – стопроцентная уверенность, что она не устоит. И это слова даже не возбуждённого мужчины – аналитика, сделавшего неплохую карьеру в финансах.

Нас больше не разделяет огромный стол, и от следующего моего движения она дёргается. Без доли влечения. Без фальши. Не от желания набить себе цену, а из-за вполне натурального опасения.

Испугалась? Она? Чего?

Даже моей наглости не хватит, чтобы решить, что меня. Кто угодно мог, но не эта, во всех смыслах языкаястая, особа. Не после того, как... а вот как и сколько лучше не вспоминать. Не когда, вместо того, чтобы нависнуть, надавить обаянием и авторитетом на удачно встретившуюся Романовскую, я хмурюсь, встречаясь с ней взглядом.

Простым. Взглядом.

Впервые настолько близко, впервые никуда не торопясь. И минуты вдруг останавливаются.

Бьют под дых.

Раскаляют кислород в лёгких, заставляя задохнуться и отступить.

Найти, наконец, причину, почему с первой же минуты знакомства эта девчонка появлялась, словно из ниоткуда. В мыслях, воспоминаниями – всегда не вовремя.

Почему ослепила тем, как отзывчиво поддавалась мне в ту ночь.

Почему после взгляд то и дело натыкался на ХАмсу в вазе с хламом— брелок-амулет в виде руки, украшенный синей глазурью.

Такой же синей, как тёмное море, бушующее сейчас в глазах напротив – обманчивое, манящее. Почти забытое.

И воскресшее в памяти бездонными глазами той, кого уже не удастся вернуть.

Щелчок закрывшейся двери заставляет моргнуть и выйти из транса.

Контракт. Романовская. Кабинет.

– Мне нужно идти. – Голос предаёт, выдавая откровенным хрипом, но она всё равно не поймёт.

Разворот. Дверь. Коридор.

Самсонов, ты куда-то ехал.

Куда? Хрен его знает. Да и неважно, можно позвонить секретарше и уточнить или набрать Надю, которая всегда в курсе и вряд ли уехала далеко. Вот только мысли о последней хочется побыстрее выкинуть из головы. Желательно навсегда, и одно это заставляет озадаченно дёрнуть подбородком.

Не помогает.

Вернуться бы помогло, только я не вернусь. Ни в «Ляшенко и партнёры», ни к Романовской. Хотя к ней тянет, тянет настолько, что накинуть пальто и выйти на улицу стоит нечеловеческих усилий.

Но уж в чём, а в стремлении к эмоциональному мазохизму меня обвинить нельзя. Хотя он стопроцентно начнётся, если сейчас не сесть в машину. И он же откинёт на одиннадцать лет назад, в тот год, когда один короткий звонок лишил меня всех надежд.

– Кирилл, я выхожу замуж.

Чего стоило поздравить единственную в мире женщину, которая мне нужна, вспоминать не хочется даже сейчас. Как и то, что Кира приглашала меня на свадьбу, и даже её солдафон подтвердил, что да, будут рады.

Вот только видеть её в белом и с другим? Проще сдохнуть.

Поэтому в тот поганный, солнечный и жаркий, день третьего июля в баре опустели полторы бутылки виски, половина бутылки коньяка и один бокал шампанского. Последний, потому что совсем не поздравить её я не мог. Хотя бы так. А потом пошёл и снял первую же попавшуюся девицу в первом же попавшемся клубе. И изначально провальный план стал только хуже, стоило проснуться утром.

С гудящей головой, помятому, разбитому. С совсем молоденькой блондинкой, которой дай бог, чтобы было хотя бы двадцать.

Действительно, хреновые воспоминания.

В реальность возвращает глубокий и морозный, обжигающий лёгкие, вдох. Приводит в порядок чувства. Хотя какие, к чертям, чувства!

О чём, вообще, можно говорить, если в одно мгновение мне напрочь отбило мозг.

А ведь казалось, что всё забыто. Забито сотнями блондинок, брюнеток и ещё хрен пойми кого. Стёрто каблуками разной высоты. Смыто чужими руками, губами и ласками.

– Кирилл Александрович...

– Сам.

И водитель отступает, переходя на пассажирское – удивлённый, но молчаливый.

Когда я последний раз садился за руль? Полгода? Год назад? Некогда, некуда, всё на бегу, да и работать удобнее, не думая о пробках и очередном повороте – есть способ потратить нервы поинтереснее.

Но не сегодня.

Здесь и сейчас мне физически необходимо отвлечься. Забить голову чем-то неважным, но отнимающим всё внимание, чтобы, хоть до вечера, не вспоминать о глазах, что так похожи на глаза Киры.

Единственной женщины, которую я любил.

Единственной, которую не верну никогда¹.

– Кирилл Александрович? – Мелодичный голос пробивается в уши через слой ваты.

Надёжной, как моя дружба, если китайцы решатся и проведут обещанную многомиллионную транзакцию.

В голове творится чёрт-те что, одни рефлексy в сознании, и именно они позволяют вернуться к терминам, схемам и попытке запудрить перспективным партнёрам мозги. Если бы при этом из мыслей ещё исчез напряжённый взгляд Романовской, моим восторгам и вовсе не стало бы предела. Но, увы.

Ещё полчаса в конференц-зале звучит смешанная, русско-китайская речь, после чего симпатичная рыженькая переводчица уходит вместе с довольной делегацией. Как только за ними закрывается тяжёлая матовая стеклянная дверь, моя рука сама тянется к узлу галстука. Сегодня мне везде душно. Может, заболеваю?

¹ История Кирилла и Киры в книге «Пантера для Самсона»

Только если очередным кретинизмом.

– Кирилл, ты занят? – На пороге появляется Надя, как всегда, идеальная и перманентно радостная.

– Нет, – устало потерев лоб. – Какие-то проблемы с Иваном Фёдоровичем?

– Нет, – в тон отзывается Надя и присаживается на стол передо мной, – господин Сухо-руков всем доволен и на всё согласен, только конкретную сумму и сроки он хочет обсудить лично с тобой.

– Когда? – Перевернутый дисплеем вверх, телефон показывает ноль звонков и ноль сообщений, и сегодня это раздражает как никогда раньше.

– Дней через пять—семь, – вздохнув, она легко сметает несуществующую пылинку с моего плеча. – Завтра Иван Фёдорович улетает с семьёй в отпуск и будет недоступен какое-то время. Кирилл, у тебя усталый вид, – без перехода, с тревогой во взгляде мягко улыбается Надя, – отдохни, пока есть время. Съезди куда-нибудь... да даже просто сними дом на пару дней.

– С тобой? – Хмыкнув, я поднимаюсь и отхожу к окну.

– Мог бы и не напоминать. – Без раздражения и грусти, с едва ощутимой горечью в голосе.

– О чём?

Неинтересно. Так же, как и проезжающие где-то далеко внизу автомобили.

Помнится, не так давно пришлось переплатить только за этот вид – набережную с одной стороны и, кипящий жизнью, центр города с другой. Хотя как недавно... Кире нравилось. И мой кабинет появился именно там, куда указала тонкая и хрупкая ладонь с массивным кольцом на безымянном пальце.

Ей нравился вид на закатную набережную, мне нравился её детский восторг.

– О том, что я такая же твоя подстилка, как и все другие.

– Прекрати. – Когда я оборачиваюсь, в ней ничего не меняется – всё та же невозмутимость, несмотря на смысл слов. – Ты моё доверенное лицо.

– Ты никому не доверяешь, – покачав головой, Надя встаёт и поправляет узкую юбку. – Но и к этому можно привыкнуть.

Впервые за пять лет нашей связи внутри появляется что-то похожее на раскаяние. Ненадолго, только чтобы кольнуть чужой обидой и исчезнуть. Придя в «КлутсФин» много лет назад, Надя доказала, что за смазливой мордашкой и аппетитными формами скрывается незаурядный аналитический ум. И она же стала единственной, с кем у меня сохранилось подобие дружбы.

Вот только с друзьями не спят.

– Ты освободилась? Подвезти тебя до дома? – Неслыханное предложение из разряда тех, что сам от себя не ожидаешь.

– Я на машине, – медленно отзывается Надя, вглядываясь в меня внимательнее.

Что ты пытаешься разглядеть? Порядочность?

Мне бы тоже разглядеть, но всё, на что меня хватает – каждый раз вызывать такси случайным любовницам. Люди ведь не меняются, какие бы красивые песни об этом ни пели. Я не изменился, оставшись тем же эгоистом, что и десять лет назад. Разница лишь в том, что с Кирой у меня была надежда, а без жены не осталось ничего.

– Как скажешь.

Свёрнутый в несколько раз галстук небрежно засунут в карман, телефон ложится в ладонь. И, не оборачиваясь, я выхожу из осточертевшего уже конференц-зала.

Восемь.

Получасовая езда по городу заканчивается плавной остановкой неизвестно где. Хотя как неизвестно, ещё квартал и по правой стороне будет оперный театр, а напротив Гуманитарный университет, куда Кира перешла учиться после... всего. Хуже мрачных воспоминаний только

то, что слева от меня светится объёмная вывеска «Ляшенко и партнёры», но даже сам себе я не признаюсь, как здесь оказался.

Эмоциональный мазохизм, значит? Не знаю, как удалось в это влипнуть именно сейчас, но просто взять и уехать – аттракцион из разряда за гранью. Моих сил уж точно.

Ты непроходимый идиот, Самсонов, и время ничему тебя не учит.

Так и есть, но это хотя бы удаётся признать, в отличие от желания ещё раз увидеть Романовскую. Зачем? Чтобы удостовериться – собственный ступор не привиделся. И чтобы проверить, действительно ли она так похожа на Киру, потому что, если да...

Готовность рискнуть всем, лишь бы получить ещё один шанс, в одно мгновение захватывает сознание.

Сразу, без проволочек и аналитики.

Наплевав на этичность, адекватность и запреты, на то, что такая замена – это стопроцентно по-скотски.

Вот только отчаянная решимость уже меняет меня под себя. Нашёптывая, убеждая, склоняя к тому, что цель оправдывает средства, особенно если цель – увидеть прежнюю любовь в таком знакомом взгляде.

И ещё вчера это казалось бы безумием, издевательством над самим собой, но сегодня...

Что-то словно толкает под руку, заставляя повернуться и увидеть Романовскую, в тёмном длинном пальто и светлом, намотанном вокруг шеи, шарфе. И ожидающее у входа такси, в которое она и садится. Пять секунд простоя и непримечательный, если не считать цвета, седан выезжает в полосу.

А мой мотор послушно отзывается, плавно трогая машину с места.

Самсонов, ты всё-таки идиот!

Глава 3. Олеся

В лаконичном и вылизанном до блеска холле частной клиники меня пробирает нервная, но в то же время восторженная дрожь. Положительный тест это, конечно, прекрасно, но хочется доказательств поубедительнее. Таких, чтобы сбилось с ритма сердце и перехватило дыхание.

Не от мифической любви, не от внезапной страсти, не от признания на работе.

От чего-то правильного и действительно важного.

– Олеся Сергеевна? – выглянувшая из кабинета врач подходит и забирает документы. – Прекрасно, я вызову вас минут через пять.

Становится нечем занять резко похолодевшие руки. Как и голову, и мысли сходят с ума вместе со мной, перескакивая с одного на другое. С Аниных жалоб на довольного шефа, который пришёл после обеда не высказаться на мой счёт, а ради поздравлений со сделкой. Со звонка проштрафившегося деревянщика² на обед, от которого меня едва не вывернуло. С айтишника Вани, который чинил мне принтер, на Самсонова.

И если остальное я считала безобидным, то мысли о Кирилле Александровиче оказываются некстати. Потому что сомнений в его будущем отцовстве просто нет. И мои предпочтения ни при чём, всё гораздо проще – последние недели выдались настолько рабочими, что дома меня хватало только на то, чтобы доползти до подушки.

Я бы и беременность пропустила, но позавчера выкинула наисвежайшую, только что приготовленную пасту с морепродуктами. До этого бывшую моей любимой. Вот только от одного воспоминания о кисловатом томатном аромате в желудке поднимается неприятная волна. Я откидываю голову на холодную стену и пытаюсь подумать о чём-нибудь другом.

Даже Самсонов в этом случае меньшее из зол.

– Олеся Сергеевна, заходите.

Как же страшно. И волнительно. И страшно!

Поднявшись, приходится глубоко вдохнуть и выдохнуть чтобы пройти эти несколько шагов.

Шагов, которые разделят мою жизнь на «до» и «после».

Не знаю, что отражается у меня на лице, но внутри всё нарастает и нарастает чистое, ничем не замутнённое чувство абсолютного счастья. Какого-то нереального восторга. Перескоков с «Не верю!» на «Надо купить новые сапоги, потому что ноябрь, снег и гололёд».

Ещё и растерянная улыбка не сходит с лица с момента, как мне вручили заключение с прицепленной к нему фотографией. И плевать, что в нём не видно ничего, кроме чёрного овала и светлой точки. Я подожду. И как все ненормальные, сохраню первый снимок своего ребёнка. Даже такой.

Не портит настроение и начавшийся мелкий снег, за время приёма укрывший слякоть и лужи неровным белым слоем. Всё равно растает, хотя неприятностей может доставить и сейчас. Как назло, каблук проскальзывает на плитке и только перила спасают от неловкого падения.

Лучше бы клинкер положили. Выглядит он несколько не хуже керамогранита, но при этом не скользит.

Последние три ступени обходятся без происшествий, если не считать того, что вызывать такси придётся с улицы, в клинике об этом позабылось. Откровенно говоря, позабылось обо всём, и непривычная улыбка снова появляется на губах.

Шесть недель.

² Деревянщики – столяры всех мастей и специальностей.

Покачивая головой, я снимаю перчатку, чтобы достать телефон. Откинув волосы за спину, выуживаю его из внутреннего кармана сумки и поднимаю взгляд. Чтобы встретиться с ироничными глазами Самсонова.

Тревога бьёт в грудь, на лбу сама собой появляется хмурая складка, а радость прячется в дальнем уголке сознания.

– Привет.

Самсонов стоит на тротуаре рядом с вытянутым тёмным седаном, мигающим аварийными огнями. Засунув руки в карманы распахнутого чёрного пальто, в костюме и без галстука. Потерял? Или оставил трофеем как бы юристу?

– Не интересуется. – Усмешка словно и не исчезала. Разблокировав телефон, пальцы в два клика находят приложение такси и нажимают «Домой».

– Что именно? – Не верю, что с расстояния в два шага меня плохо слышно. Точно не настолько, чтобы подходить ближе.

– Ничего из того, что ты собираешься предложить, меня не интересует. – Вибрацией в ладони отдаётся назначенная машина, но чужая рука забирает сотовый и нажимает отмену. – Самсонов!

– Романовская. – И столько не скрываемого удовольствия в его голосе, что становится неуютно.

Ненадолго. Пока он не убирает мой телефон в карман собственного пальто.

Мой. Телефон.

Ярость поднимается горячей волной, а ладони начинают потряхивать от желания вцепиться в наглую самодовольную рожу.

Спокойно. Вдох-выдох. Здесь снежно и скользко, а я на каблуках.

– Давно хотела новый. – Увидев такую улыбку, смежники³ обычно начинали расползаться по углам кабинета. – Можешь прислать завтра на адрес офиса. Модель, так и быть, сойдёт предпоследняя.

Скотина, в том телефоне половина моей жизни и вся работа!

Но вот чего, а этого признания Самсонов точно не дожждётся. Потому что наличные в кошельке, все данные продублированы на двух серверах, а до дома не так и далеко.

– Что так? – насмешничает Самсонов.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Обожаю моменты, когда милая улыбка действует эффективнее оскорблений. И оценить бы событие, но бешенство всё ещё при мне, так что самое время уйти.

– Ладно, признаю, мы неправильно начали. – Обжигающая Самсоновская ладонь останавливает меня за запястье, другая протягивает мой телефон. – Я лишь хочу подвезти тебя домой.

Какая-то слишком быстрая капитуляция. Или...

– Самсонов, – я задумчиво беру сотовый и поднимаю взгляд, – ты что, разорился?

Это выражение стоит видеть. Если бы не опаска испортить немую сцену, не поленилась бы и сняла откровенно подвисшего от моих выводов Кирилла Александровича.

– Если да, скажи сразу. – Вдох получается по-настоящему тяжёлым. – У меня нет желания тратить прорву сил и времени на проект, который не оплатят. Если ты сдаёшься из-за нового телефона, денег на GreenTeam тебе точно не хватит.

– Романовская, ты меня провоцируешь? – На правильное начало не тянут ни интонация, ни хрипотца в голосе.

³ Смежники – все, кто задействован в проекте, кроме строителей.

Как, вообще, можно назвать началом то, что, уложив Лиссет спать⁴, мы едва доехали до его квартиры? Между нами слишком искрило, чтобы просто взять и разойтись. Моё ехидство и его всезнайство обострило взаимную то ли тягу, то ли неприязнь, толкнув нас в одну постель.

И подарили мне моё персональное чудо.

– Нет, и вряд ли стану.

В этот раз с такси мне везёт больше – не проходит и пары секунд, как назначенный автомобиль появляется на экране. Ещё лучше то, что мне видно, по карте и вживую, как жёлтый седан с шашечками разворачивается на перекрёстке и бодро ускоряется в мою сторону.

– Тогда что мешает...

– Мне ничего не мешает признать, что, переспав с тобой, я сглупила. – Два лёгких шага приближают меня к, остановившемуся рядом, жёлтому боку. – Но и ты оказался не умнее, если решил, что наша совместная работа – прекрасный повод для новой ночи. Не разочаровывай меня, Самсонов, поручи GreenTeam своей как бы юристу и сделай вид, что ничего не было.

Дверь машины открывается,дохнув салонным теплом, но широкая ладонь ложится поверх моей руки.

– А если не поручу?

Между нами нет и половины метра, когда я разворачиваюсь к нему, замечая, как меняется его взгляд.

Что ты хочешь во мне найти?

Любовь не для меня, тем более, такая внезапная и беспричинная. А в его чувства мне не поверить, даже если он станет, боже упаси, самым-самым отцом на свете.

– Ничего не будет, Самсонов. У меня с тобой – точно нет.

Без вранья. Без увиливаний. Без иллюзий.

– Посмотрим, – и его уверенность напрягла бы, но сразу после он отпускает мою руку.

И сам захлопывает дверь такси.

⁴ Подробнее в книге «Стань моей свободой».

Глава 4. Олеся

– Признавайся, Олеся, что у тебя с тем красавчиком? Я хотела к тебе вчера зайти, но у вас тут был такой жаркий тет-а-тет, что я быстренько закрыла дверь. – Аня залетает в кабинет, заставив меня впервые за утро посмотреть на время.

Без пяти минут обед. Не может быть, чтобы так быстро прошли четыре часа.

– Олеся, ты в себе? – Положив грудь третьего размера на стол, она щёлкает пальцами перед моим носом.

– Подожди, Ань. Я что-то хотела сделать... – Миг озарения и мышшь щёлкает по кнопке «Отправить». – О чём ты говорила? – Сложно переключиться с Косулинского проекта на реальный мир, но приходится. Просто потому, что она не отстанет.

– О Самсонове, – с придыханием и опаданием в стоящее за Аней кресло. – Что у тебя с ним?

– В основном, деньги, – иронично вздёрнув бровь, усмехаюсь ей в ответ. – И не в основном тоже. Ты же в курсе, шеф пообещал сделать меня партнёром, если я вытяну GreenTeam.

– А ещё я в курсе, как после этого опрометчивого обещания страдала его еврейская душа, – весело фыркает она. – То есть не расскажешь?

– Расскажу, – моя готовность заставляет Аню насторожиться, – и даже покажу. – Миг, и монитор повернут экраном к ней. – Смотри, за основную концепцию архитектуры и дизайна GreenTeam я взяла...

– Только не начинай! – Её скорбный стон наверняка слышен даже в коридоре. – У меня от твоих планов на подпись и так с утра до ночи в глазах рябит.

– Олеся Сергеевна Романовская? – Стук в открытую дверь и явление курьера прерывает знакомые, до последней буквы, жалобы.

– Да, это я.

– Олеся, тут к тебе курьер ломился, я решил проследить. – Даже нашего внушительного охранника за яркой зеленью курьерской куртки практически не видно.

– Спасибо, Александр Николаевич. – Мне приходится встать из-за стола под любопытным Аниным взглядом. – Всё нормально.

– Как знаешь, – последний раз недоверчиво зыркнув на паренька в зелёном, охранник скрывается из поля зрения.

– Вам посылка, распишитесь в получении, – неадекватно радостно подскакивает на месте паренёк и мгновенно вылетает из кабинета, стоит мне дописать собственные инициалы.

– От кого посылка? – вытягивает шею Аня.

– Это? – Небольшая коробка небрежно приземляется на противоположный от Ани край стола. – От деревянщика, я просила прислать мне покрытые морилкой образцы, чтобы лучше видеть разницу. У них там вечно то свет плохой, то камера не фонтан.

– Всё с тобой ясно, – судя по Аниному взгляду, мой диагноз лечению не поддаётся. И в чём-то она даже права. – Обедать идёшь?

– Попозже, надо дозвониться до Косулинского вэкашника⁵ и согласовать с Олегом...

– Да-да, – отмахивается она, – «...от работы дохнут кони, ну а я бессмертный пони!»

Пошла я, пока ты и меня не заразила.

– Зараза к заразе не липнет, – отзываюсь со смешком, глядя в монитор.

– Я всё слышу! – не оборачиваясь, Аня машет рукой и идёт, наконец, по своим делам.

Со вздохом откинувшись на спинку стула, я закидываю ногу на ногу и беру в руки коробку.

⁵ Вэкашник – инженер-сантехник, специалист по ВК (водопровод и канализация).

Открыть? А для чего? Чтобы проверить, хватает ли Самсонову фантазии на что-то ещё, кроме постельных упражнений? Или забить и отправить обратно невскрытую? Сложный вопрос. Действительно, сложный, учитывая, что взгляд то и дело останавливается на канцелярском ноже, лежащем рядом с клавиатурой.

С другой стороны, «КлутсФин» в строке отправителя выглядит внушительно. Так и вижу, как Кирилл Александрович распоряжается купить и отправить телефон, гарантированно последней модели, на адрес офиса на моё имя. Надеюсь, у некоторых хватило такта поручить это не своему как бы юристу.

И самое смешное во всём этом то, что Самсоновского интереса вряд ли хватит дольше, чем на пару недель. Но как же не хочется всё это время дёргаться при каждом его визите! А, зная таких, как он, без этого точно не обойдётся.

Может, интереса хватило бы и вовсе на одну только ночь, но проверять нет никакого желания. Да и возможности. Хотя бы потому, что сегодня с утра мне удалось впихнуть в себя только четыре кусочка любимого шоколада. И кофе.

Не самый лучший вариант, но уже что-то, учитывая, как меня воротит не то что от запаха – от одного только вида еды.

И хочется верить, что это ненадолго – мой организм не из тех, что обходятся парой листиков салата и двумя литрами воды в день. Не тогда, когда в арсенале один горящий, два вялотекущих и ещё один стартующий проект. А мысль, что придётся с тяжестью в голове и мутью в желудке регулярно объезжать все три стройки, вызывает настойчивое желание застрелиться.

Но бессмертные пони не стреляются, они весело скачут по всем своим делам, вот и мне предстоит... поскакать.

Вздыхнув, я блокирую компьютер и бросаю в сумку Самсоновскую коробку вместе со своим планшетом. И иду одеваться.

Кирилл Александрович является даже раньше, чем планировалось. К моему большому сожалению, даже не в офис.

– Саш, ты же видишь, что это самопал. Я, по-твоему, такая идиотка, что не отличу крашеную берёзу от бука?

– Олесь, я сам только увидел. – С трудом сдерживаясь от мата, кривится прораб. – Подгадали, с-с... скотины, чтобы меня не оказалось на объекте.

– Подгадали? – Мало того что установленные в Косулинском коттедже двери оказались не из того материала, так ещё и в проём их впихнули так криво, что мне и без нивелира всё ясно. – Саша, что за треш раз за разом здесь творится? Сначала твой знакомый каменщик куда-то внезапно пропал, потом начались проблемы с сантехникой, и мне пришлось срочно искать своего специалиста, а теперь это? – Палец обвинительно тычет в распахнутую дверь.

– Олесь, ты же знаешь...

– Я знаю, что ты хорошо работаешь. – Ненавижу все эти «ты же знаешь»! – Работал. Но, Саш, ты меня тоже знаешь. Ещё один такой косяк и мы распрощаемся и с тобой, и с твоей бригадой. И я пойду на это, даже если ПэПэ решит вычестить неустойку из моей зарплаты!

– Я разберусь, – мрачно обещает Саша.

– Разберись, – также мрачно киваю ему в ответ. – Я вернусь послезавтра за результатом, а не вашими бесконечными отговорками. Но если его не будет...

Решительно кивнув, Саша разворачивается и идёт куда-то вглубь коттеджа. Подозреваю, что орать на своих, но это меня уже не касается. А вот Самсонов, собственной персоной стоящий в бездверном пока проёме, очень даже.

– Я уже рад, что руководить GreenTeam будешь именно ты.

Если он рассчитывал смутить меня джинсами, кроссовками и спортивной курткой посреди рабочего дня, то просчитался. После подмены дверей меня даже восставший Иктин⁶ не смутит.

– А я-то в каком восторге. – Криво усмехнувшись, я прохожу через гостиную и поворачиваю к гостевому санузлу. Чтобышний раз убедиться, что снова права. – Чтоб вас всех!

Достало! Мало того что потекли краны, так эти субчики⁷ ещё и сломали две нижние плитки.

Вообще, в Косулино всё шло не так с самого начала, и с каждым днём сроки пригорали всё больше. С грехом пополам нам удалось дойти до внутренней отделки, но и здесь сначала треснула штукатурка на трёх стенах, потом в одном месте перекосило долбанный итальянский не убиваемый ламинат, а на десерт эти молодцы уронили скамейку на одну из плит дорожки.

Разбив ту на осколки и помяв кованый угол.

Понятия не имею как они умудрились. Но уже подозреваю, что по окончании конкретно этой стройки пойду и напьюсь.

Хотя и это мне уже недоступно.

– Саш, где вкашник? – Голос у меня громкий, а привычка перекрикивать перфоратор выведена на уровень суперспособности.

– Подъезжает, – такой же крик из глубины коттеджа. – Обещал сегодня всё заменить.

– Работнички... – Развернувшись, меньше всего я ожидаю, что Самсонов окажется за моей спиной. – Что ты-то здесь делаешь?

– Поражаюсь твоему профессионализму

– Поражайся где-нибудь подальше. – Его близость не пугает, раздражает – да, но меня сегодня всё раздражает. – В идеале – в собственном офисе.

– Предпочитаю полное погружение... в работу человека, с которым работаю. – Да господи ты, боже мой!

– Самсонов, ты бы поаккуратнее с такими погружениями. – Хмыкнув, я выхожу из тесного санузла и иду в сторону выхода. – А то так можно и наловить чего-нибудь не того.

– Справку об аккуратности предоставить? – Откровенно подначивает он, а мне никак не удаётся понять, с чего ему так припёрло. В жизни не поверю, что у Самсонова внезапно закончились постельные грелки.

– Саш, я пошла! – Кирилл Александровича даже не морщится от моего крика, и вот это действительно удивляет.

– Хорошо. – Лишние прощания – лишние минуты, и накосячивший прораб понимает это как никто другой.

И снова телефон, и снова такси. И насмешливый Самсоновский взгляд.

– Новый тебе не понравился?

– Считай, что в твоей платёжеспособности я почти убедилась. – Как назло, приехать сюда соглашается едва ли один таксист из пяти, и тишина в приложении это только подтверждает. – А телефон подари своей как бы юристу. Вместо премии. За широкий профиль.

– Ревнуешь?

– Тебя? Сбавь обороты, Самсонов, ты меня явно с кем-то перепутал.

Второе приложение молчит так же, как и первое, и остаётся только смириться с очередной бесполезной потерей получаса времени.

И со стоящим рядом, демонстративно разглядывающим ели на участке, Самсоновым.

Долбанный Косулинский проект!

⁶ Иктин – древнегреческий зодчий, построил Парфенон.

⁷ Субчики – субподряд (периодически бестолковый).

– Почему ты не купишь машину? – Вопрос тем же ёлкам, но мне всё равно больше нечем себя развлечь, а возвращаться внутрь адского коттеджа хочется даже меньше, чем болтать с Самсоновым.

– Потому что сначала надо купить права.

– Ты серьёзно? – И столько изумления в голосе, что я перевожу на него взгляд.

– У меня нет на это времени, а ответственность не даёт посадить себя за руль с купленными.

У Самсонова даже выражение лица меняется. И это вдвойне странно, учитывая, что у меня половина знакомых прекрасно обходятся без прав.

– Садись. – Стоящий у крыльца чёрный седан приглашающе мигает фарами, а моя челюсть бряцает о керамогранитные ступени.

– Что? – Абсолютный шок.

– Да брось, ехать со мной ты всё равно не хочешь, а развлечься нечем нам обоим. – И он доволен! Реально доволен фактом моего полнейшего непонимания ситуации.

У Самсонова что, совсем крыша едет? Или у меня?

Какой мужик в здравом уме и твёрдой памяти предложит сесть за руль своего автомобиля? Тем более, такого. И кому! Незнакомой, по сути, девице! И пусть педали я не путаю, но ему-то об этом неизвестно.

Меня даже тошнить прекращает.

– Самсонов, едь уже куда-нибудь. – Лёгкая осиплость в голосе – последнее, чему стоит удивляться. – Желательно подальше, и прекрати убивать меня своими выходками.

– То есть ты меня боишься. – Оригинальная логика. А то, что он стоит на дорожке, а я на третьей ступени крыльца, не спасает ни от бархата в его голосе, ни от странной вибрации где-то в районе желудка. – Или не меня.

Себя? Не-ет уж.

Давно прошли те времена, когда всё во мне впечатлялось от таких вот интонаций, намёков и дорогих костюмов. Сейчас есть дела поинтереснее. Например, проверить, пойдёт ли Самсонов до конца.

– Знаешь, что, – на ступеньку ниже, на десять сантиметров ближе и на тон вкрадчивее, – а давай. Или боишься? – перевернув его же слова.

Вот только вместо ответа, уже реально пугающее непредсказуемостью, довольство во всём Самсоновском виде. И лежащий на раскрытой ладони брелок.

Глава 5. Кирилл

Такая смелая, а пальцы, забирающие ключи, всё равно дрожат. И невозможно не удержать в кулаке маленькую ладонь.

– Я ведь могу и отомстить.

Самоуверенное заявление от ехидны, которую очень хочется присвоить, наконец, себе. И демонстративный кивок на стоящий за спиной автомобиль.

– Как-нибудь переживу. – Не выпуская руки, тяну её на себя, заставляя спуститься с этой дурацкой лестницы. – Машина застрахована.

– А ты?

Самсонов, стоп. Рано. Для всего рано, если обычный сценарий тебя не устраивает.

– Я тоже. – Помешательство, да, но отпустить её руку сейчас невыносимо, нереально, почти невозможно. Всё равно, что продать компанию с молотка и уйти в буддийские монахи. – Идём.

И она, действительно, идёт. Даже не вырывая ладони с зажатым брелоком из моей. Всё ещё в шоке? Может быть, но мне это только на руку.

– Садись. – Открыть перед ней и закрыть за ней дверь почему-то даже приятно. А, чтобы занять пассажирское место мне не требуются и десяти секунд. – Знаешь что такое руль?

Вместо ответа она нажимает start, на мгновение теряется, но всё же находит и переводит рычаг в режим драйва. И, конечно, смотрит на меня ехидным взглядом.

– Не уверена, покажешь?

– Покажу. – Это даже не обещание, что-то гораздо более реальное. – Только сначала...

Некрасиво разочаровывать девушку, которая так ждёт подвоха.

И рука сама собой тянется вперёд, а Романовская оказывается настолько близко, что на щеке её тёплое дыхание. Спокойное, размеренное, идущее в комплекте с откровенно скептическим взглядом. И мне бы снова выйти подышать, как тогда в её кабинете, но...

Самсонов, соберись!

Только миссия невыполнима.

Не тогда, когда поцеловать её – всё равно что вернуться в прошлое. Счастливое прошлое, в котором у меня ещё есть сын и любимая женщина.

– Такси. – Одно её негромкое, но веское слово ложится на, соприкоснувшиеся было, губы язвительным налётом. – Назначили.

– У нас есть пятнадцать минут.

– Самсонов, остынь. – Острый кулак упирается мне в грудь. – Такими темпами, да в твоём-то возрасте на других энтузиазма может и не хватить.

– Значит, ограничусь тобой, – хмыкнув, я всё-таки дотягиваюсь до ремня с её стороны, щёлкаю замком и добавляю насмешливо, почти не чувствуя разочарования: – Единственной и неповторимой.

– Страшно представить, за какие грехи могут наградить таким счастьем, – передёргивается она.

А мне становится всё интереснее. Откуда такая даже не неприязнь, категорическое неприятие моей, далеко не самой хреновой, персоны. Причём настолько искреннее, что вызывает желание отодвинуться, извиниться и свалить в далёкие дали.

– Тормоз слева, газ справа, руль перед тобой. – Усмешка совпадает с ещё одним щелчком ремня безопасности.

– Самсонов, ты серьёзно?

Она впервые по-настоящему удивлена. Не возбуждена, не ехидничает, не изворачивается, а недоверчиво смотрит, положив руки на руль. Правильно положив, что вызвало бы вопросы, если бы мне не было всё равно.

– Газ нажимай. – Знал бы, что это будет так весело, с вождения и начал бы наше знакомство. – Только аккуратно, в ней триста шестьдесят лошадей.

Чувствуя неадекватный азарт, я перекладываю сумку с её колен на заднее сидение. И забираю из влажной ладони брелок, всё равно будет только мешать.

– Идиотская затея! – раздражённо выдыхает Романовская и плавно трогается с места.

– Считаешь?

Но это мне позволено отвлечься, она же не отводит глаз от дороги, и мы медленно, но верно движемся по, припорошённой снегом, грунтовке к границе коттеджного посёлка. Хотя как границе, простостроек там больше нет. Зато есть поле, тоже выкупленное под ИЖС⁸, но пока не освоенное настолько, чтобы делать деньги, распродавая участки рядом с шикарным сосновым лесом.

– Поворачивай, иначе сядем. – Чем дальше в поле, тем более вязкое оно становится под колёсами двухтонной машины.

– Куда?

Мне кажется, или в самоуверенной броне и правда появляется островок паники?

– Хоть куда.

Моя усмешка совпадает с моей же рукой, уводящей руль влево.

Самсонов, не ври хоть себе. Это банальное желание к ней прикоснуться.

Повторяя мой манёвр, Романовская ладонью скользит по тыльной стороне моей руки.

Приходится убрать конечность хотя бы для того, чтобы не мешать. И мозг согласен с решением, в то время как всё остальное вопит, что вот она – та, кто может не заменить, но приглушить, смазать глухую отчаянную тоску, которую за десять лет мне удалось всего лишь научиться игнорировать.

Мимо ещё не проносятся, но мелькают уже гораздо быстрее дома разной этажности и степени недостроенности. Проект Романовской выделяется на их фоне как Кувейтский динар на российском валютном рынке⁹. И смотрится дорого, несмотря на кажущуюся простоту и элегантный стиль.

Хотя есть гораздо более интересные виды.

Настолько заманчивые, что не получается – ни контролировать желание, ни успокоить участвующий пульс. Не смотреть тоже не получается. И всё оказывается в разы паршивее, чем представлялось ещё вчера.

Хреново, но, в общем-то, неудивительно.

Потому что мне тысячи раз представлялось, как Кира подойдёт неприлично близко. Обнимет, как миллионы раз до этого. Прижмётся всем телом. И скажет, что мне всё приснилось – что она рядом, что никуда не уходила, что нет никакого...

Стоит вспомнить о её солдафоне и это приводит в чувство.

В нехорошее такое, предательски нащёптывающее, что Романовская – не Кира. И никогда ею не станет.

Повторяй почаще, может, запомнишь.

– Хватит.

Машина останавливается прямо посередине дороги. Неожиданно, несмотря на то, что за движением и траекторией я всё-таки следил. Потому что поцарапанную машину поменять можно, поцарапанное здоровье – точно нет.

⁸ ИЖС – индивидуальное жилищное строительство.

⁹ Кувейтский динар – самая дорогая валюта по отношению к российскому рублю. Примерно 244 рубля за один динар.

- Разворачивайся. – И снова этот саркастичный взгляд. – Что?
- Здесь не поле, – отвечает она с язвительным намёком.
- Уговорила, в следующий раз.
- Так уверен, что он будет?

Догоняют меня её слова уже на улице. Обойдя собственный автомобиль спереди, я предлагаю руку, открывшей дверь Романовской.

– Судя по тому, как ты заботишься о сохранности моей машины, она нравится тебе гораздо больше меня.

– Она молчит и не распускает руки. – Романовская оказывается стоящей в треугольнике между мной, открытой дверью и салоном. – Выбор очевиден.

Для меня тоже.

Настолько очевиден, что из головы выветриваются все Маши, Кати и Нади, а пальцы зудят от желания дотронуться до её подбородка. Провести большим по приоткрытой нижней губе, снова услышать жаркий прерывистый вдох, а дальше...

Прекращай! Не время и не место.

– Ты предвзята. – Плевать на всё. Шаг вперёд и она оказывается в кольце моих рук. – Когда я и что распускал?

– Самсонов, а сейчас ты что делаешь?

– Закрываю тебя от ветра. – На фоне полного штиля, но когда это меня волновало.

И пойти бы по шаблону – смять ехидно изогнутые губы глубоким поцелуем, снести сопротивление напором. Кипящим в венах, желанием. Подчинить. Захватить. Заставить забыть все слова, кроме моего имени, но...

– Такси.

Оно действительно едет, правда, мимо. К, установленной отметке рядом с домом, который метрах в десяти от нас. Сколько таксисту потребуется времени, чтобы всё понять? Зависит от скорости разгона мысли, но, в среднем у меня есть ещё несколько секунд.

– Я заеду за тобой в девять, съездим поужинать.

– Самсонов, – идея не нравится ей настолько, что Романовская даже не думает скрывать отвращение, – мы уже ужинали и чем это закончилось? Давай я просто признаю, что ты классный любовник, а та ночь была великолепна. И ты спокойно переключишься на следующий объект из своего непомерного списка. Не трать времени на изначально проигрышный вариант в моём лице.

– Проигрыш тоже результат, многому учит.

– Ой, всё! – Закатив глаза, она выворачивается из моих рук, забирает сумку с заднего сидения и, не оборачиваясь, идёт к такси.

– Захочешь ещё раз прокатиться – звони, – смешок она уже не слышит.

И вряд ли позвонит, но ей и не надо. Не тогда, когда, сделавший стойку, азарт прекрасно сочетается с моими собственными желаниями.

Заменить Киру Романовской? Почему бы и нет. Тем более что последней необязательно знать мои мотивы и давнюю личную драму, которую я собираюсь восполнить за её счёт. Проигрышный вариант? Сильно сомневаюсь, учитывая, что стать идеальным Кириллом Самсоновым не так уж и сложно.

Особенно когда приз того стоит.

На дисплее телефона высвечивается пропущенный от Нади и десятки рекламных уведомлений. Не может быть, чтобы за полдня случилось что-то, реально требующего внимания. Даже моё месячное отсутствие не должно развалить, отработанную за годы, работу компании. В теории. На практике же придётся перезванивать, надеясь, что вечерний тет-а-тет с Романовской искупит и это.

А в том, что он будет, я не сомневаюсь.

Резкий шорох, тормозящих по грязи, шин заставляет отвлечься от мыслей и вскинуться. Туда, где, на расстоянии метров пятидесяти, останавливается жёлтый с пашечками седан. Задняя дверь распаивается, ускорившись от порыва ветра, а из салона вылетает Романовская. Делает несколько быстрых шагов, опирается рукой о ближайший забор.

– Какого?..

Глава 6. Олеся

Долбанный ты случай!

Голод, тошнота, слабость и общее не стояние образуют настолько взрывной коктейль, что меня с лёгкостью добивают несколько десятков метров по кочкообразной грунтовке. Конечно, какой смысл укладывать нормальную дорогу, если не разошлись даже половина участков! Невыгодно.

И вот теперь стоять мне у этого заборчика до второго пришествия, потому что рвотные позывы накатывают волнами, не желая успокаиваться.

– Эй, с вами всё нормально? – слышится за спиной.

Нормально.

И было бы ещё лучше, если бы в салоне ко всем прочим неприятностям не ароматизировал какой-то противный кисловатый освежитель. От одного воспоминания о нём я прикрываю глаза и делаю очередной глубокий вдох. Потрясающе! Чтобы я ещё раз сюда приехала после таких приключений...

Чёрта с два!

Пусть Олег таскается, он всё равно мне должен за проект годовой давности, когда заработал пневмонию и провалялся дома почти три недели. В тот самый момент, когда шла приёмка и сдача квартиры заказчикам. Требовательным, кстати, до такой степени, что пришлось трижды переклеивать молдинг по одной из стен гостиной. И напоминать, что систему скрытого монтажа в душевой они выбрали сами.

– Девушка, мы едем или как?

Не могу ответить, просто не могу. Кажется, что стоит открыть рот и всё содержимое желудка окажется у этого же заборчика.

Просто дыши, и всё пройдет!

Чем, вообще, меня может тошнить, если те несчастные дольки шоколада уже давно и без следа рассосались?

– Девушка не едет. – Хлопок двери совпадает с моим внутренним протяжным стоном.

Чтоб в этот злосчастный коттедж молния попала! Или метеорит приземлился! Да всё что угодно, чтобы стереть адский дом с лица земли. Единственное условие – после того, как заказчик с нами рассчитается, в соответствии с контрактом.

Вот почему Самсонову приспичило приехать именно сюда?

Озноб только усиливает следующий позыв, и меня сгибает пополам. Без толку – в желудке так же пусто, как и в голове.

– Жива? – Самсонова я не вижу, но чувствую, как чужие пальцы касаются шеи, собирая распушенные волосы за спиной. – Олеся?

М-м, он впервые называет меня по имени. Так себе событие, учитывая контекст. И то, что сейчас мне надо придумать быстрое, логичное и правдоподобное объяснение всему этому.

А мозг тем временем соображать отказывается напрочь. Поэтому вместо ответа я достаю бумажный платок из кармана пальто и промокиваю сначала, выступившие от приступа, слёзы, а потом и лицо. И, да, не хочу поворачиваться.

– Держи. – Всунутая в мою ладонь бутылка оказывается из моей же сумки.

Очень удачно, но время идёт. Судорожные сокращения в желудке заканчиваются, возвращаясь к привычной тошноте. Всё, что можно умыть, уже умыто и надо поворачиваться, а меня бьёт нервная дрожь.

Самсонов не дурак, даже, наоборот, слишком умный, а всё моё враньё всегда видно на лице. И мне плохо представляется, что и как сейчас нужно недоговорить, чтобы он взял и поверил. И не стал проверять.

Страх костлявыми пальцами берёт за горло, но взять себя в руки придётся. И мой вызывающий взгляд встречается со спокойным его.

Веришь, что он откажется от собственного ребёнка?

Нет.

Не откажется.

От жены, от любовниц, от бизнеса, от разгульной жизни ещё может, но не от ребёнка, пусть даже такого незапланированного. Не знаю, откуда это в моей голове, но интуиция вопит, что с этого момента начинается новый виток моих проблем. И наших отношений, в которых мне всё ещё не хочется участвовать.

– Отравилась... чем-то.

– Я так и понял, – иронично отзывается он. Вот только взгляд выискивает во мне что-то, что Самсонов, со своей идиотской настойчивостью гарантированно найдёт. Рано или поздно. – Дойдешь до машины?

– Да.

Даже язвить пропадает всякое желание. Хочется лечь, свернуться клубком и просто лежать. Желательно, под пледом и недели две – по заверениям интернета токсикоз должен закончиться именно тогда. Или не закончиться вообще.

Самсонов отдаёт мне сумку всё с тем же взглядом и поддерживает под локоть, пока я вышагиваю из снежной мешанины на грунтовку. Вот только на следующем же метре небольшой, но всё-таки каблук подламывается. Подождав, пока я восстановлю равновесие, Самсонов с каменным лицом разворачивается и собирается...

– Нет! – Последнее, что мне сейчас нужно – болтаться у кого-то на руках. Тем более, если это его руки. – Тебе далеко не двадцать, чтобы я была уверена в своей безопасности.

– Серьёзно думаешь, что это смешно? – Выразительный светлый взгляд с моего лица опускается на ладони, которыми я его удерживаю.

Вообще ни разу. Потому что он заводит их мне за спину, заставляя прижаться к своей груди. Аккуратно и легко удерживая за запястья. Наклоняет голову так, что между нашими лицами остаётся едва ли десяток сантиметров.

И вот почему? Почему от дурацкого, но безопасного такси меня выворачивает, а рядом с ни разу небезопасным Самсоновым тошнота трусливо исчезает, будто её и не было?!

– Романовская, ты беременна?

Глава 7. Олеся

– Нет.

Нет панике и душе, трусливо сбежавшей даже не в пятки, стремящейся покинуть это дурное тело.

И вот откуда страх? Что может сделать Самсонов, узнав о своём отцовстве? Подать в суд? Так как бы в нашей стране права отцов, конечно, закреплены, но так, в порядке бреда и на всякий случай. Заставить меня выйти за него? Вариант ещё бредовее первого. Пролезть в мою жизнь без мыла на придуманных правах?

Да.

Не знаю каким местом, но чувствую, просто так Самсонов не отвяжется. И, становящийся всё более победным, его взгляд это только подтверждает. А ещё руки, одна из которых уверенно касается щеки, а вторая приобнимает чуть выше талии.

Бойтся, что сдавит, и меня вывернет прямо на него?

Увы, похоже, что в его голове совсем другие мысли.

– От меня. – Трижды увы, но это не вопрос.

Нет вопроса и в торжествующей улыбке.

– Мелодрам пересмотрел? – Усмешка ненатуральная даже для меня, про Самсонова я вообще молчу.

Правда, молчу недолго.

Испуганный взвизг вырывается, когда этот припадочный всё-таки подхватывает меня на руки и кружит, даже не сбившись с дыхания.

– Скажи, что это мой ребёнок. – Остановка сопровождается моим головокружением и его шальной улыбкой. – Олеся.

– Самсонов, ты больной, – выдыхаю, обеими руками схватившись за его шею. – Отпусти!

– Скажи и отпущу.

Какая-то неадекватная радость в глазах только подтверждает, что в его голове сейчас в самом разгаре вечеринка у психованных тараканов.

– Самсонов, я не беременна и тем более не от тебя!

– Так не беременна или не от меня? – Он аккуратно ставит меня на ноги и, намертво переплетает свои пальцы с моими. – Поехали.

– Куда?

Вышедший за ворота, чтобы подышать, Саша хмуро на нас смотрит, и мне приходится идти вслед за Самсоновым.

– В город, ты же туда собиралась. – Такая сговорчивость напрягает даже больше откровенных подкатов. – Что предпочитаешь, заедем в Преображенскую за результатами твоего УЗИ или сделаем новое? У меня есть отличный знакомый гинеколог...

– Так, хватит! – Выдёргиваю я ладонь уже у самой двери машины. – Катись-ка ты, Кирилл Александрович, в пешее эротическое, со всеми своими домыслами, фантазиями и...

И всё.

Потому что уверенный поцелуй не способствует диалогу. Тем более, когда он такой. Жадный, чувственный, бескомпромиссный. Требовательный, словно Самсонов утверждает свои права на меня и моего ребёнка. Без прелюдий и уступок. На сбито напроць дыхании.

Одной ладонью зарывшись мне в волосы, второй он прижимает к себе. Не давая даже шанса на отступление. Зная, что после такого поцелуя жертвы обычно переходят к стадии «на всё готова».

Вот только я не жертва.

Звук хлёсткой пощёчины, стоит Самсонову отстраниться, до Саши не долетает, но у него зрение хорошее. У Самсонова тоже, но сейчас, по нехорошему прищур и не скажешь.

Так и стоим, сверля друг друга взглядами, моим злым, его тоже далёким от радости.

Что, Самсонов, рассчитывал, что я растекусь и стану на всё согласной?

– Отпусти. – Весомо, и без страха великой и ужасной Самсоновской мести.

След удара краснеет пятном на его щеке, челюсти сжаты, а глаза испепелили бы меня, если могли. Интересно, это первая пощёчина или уже встречались в его жизни адекватные женщины? Вру, неинтересно. Хотя подозреваю, что не встречались и заранее поздравляю себя с дебютом.

Его ладонь на мгновение сжимает мою талию сильнее, чем нужно, но всё же отпускает.

– Поехали. – Глядя поверх машины, Самсонов открывает передо мной дверь.

Гордость это прекрасно, но мне нужно в город, а надежды на такси рухнули пятнадцать минут назад. И как теперь выкручиваться? Подумаю попозже, а пока второй раз за час сажусь в серо-бежевый салон с декоративной отделкой под дерево.

И даже успеваю махнуть Саше, всё ещё стоящему у ворот, перед тем, как Самсонов срывается с места. Триста шестьдесят лошадей, говорите? Чувствуется – по пробуксовке колёс, скорости мелькания домов и тому, как меня вдавливают в кресло.

Тошнота? Нет, не слышали.

– Решил самоубиться вместе со мной? – хмыкаю, когда двухтонная махина входит в занос. Управляемый, ага.

– Что ты, милая, – мне не нравится ни взгляд, ни интонация, – твоя безопасность для меня теперь приоритет.

– С чего бы это?

Заставить его остановиться или потерпеть Самсоновскую истерику до города? До которого такими темпами мы доедем минут за десять вместо обычных двадцати пяти.

– Ты носишь моего ребёнка.

Выезд на объездную, обгон и газ в пол. Хотя куда уж больше.

– Самсонов, не смеши меня. – Мой смех ему не нравится, как мне он весь. Но Кириллу Александровичу некогда – ему приходится, зло прищурившись, смотреть на дорогу. – Мало ли кто и от кого рождает. Ты что, всех своих любовниц так достаёшь?

– Только тех, кого хочу.

Без пафоса. Без лести. Без всего этого демонстративного.

Уже не зло, но всё ещё в крайней степени раздражения.

Не для того, чтобы смутить, соблазнить или ещё что. Просто потому, что да, хочет.

И предательский мозг посылает кучу мурашек по всему телу. Становится жарко, а в горле пересыхает.

И будь мы в ситуации, как два месяца назад, я бы плюнула на идиотские условности, но...

– Всё ещё?

Усмешка бьёт по самому больному – по его гипертрофированному эго, которое должно откинуть Самсонова на десять минут назад. Надеюсь, что ему всё ещё чертовски неприятно. Во всех смыслах.

Однако Самсонов молчит. Самсонов продолжает самоубийственные гонки с собственными воспоминаниями о пережитом унижении. А для такого мужчины, как он, отказ в подобной форме – стопроцентное унижение.

И повод отомстить величайшим невниманием.

Жаль только, что теперь между нами всё стало несколько сложнее. Хотя...

– Самсонов, а отомсти мне? – нагло предлагаю ему, стоит Самсонову сбросить скорость. Исключительно потому, что мы въезжаем в город. – Высади меня во-он на той остановке,

громко выскажись на тему моей неблагодарности и от души хлопни дверью. Тебе полегчает, а я буду уверена, что доеду до работы.

– Это, по-твоему, месть? – Мимолётный взгляд и многообещающая усмешка. – Милая, есть варианты поинтереснее.

– А что, не мстить маленькой и слабой мне – слишком сложно для большого и ужасного Кирилла Самсонова?

Чего и стоило ожидать, он сворачивает в противоположную от нашего офиса сторону. Не критично и даже не особо страшно.

– Это ты-то маленькая и слабая? – хмыкает Самсонов и поворачивает куда-то вглубь района.

А потом ещё раз, и ещё. Даже мне, исколесившей весь город, здесь незнакомо.

– И куда ты меня везёшь? – Мой язвительный интерес его уже не трогает, а жаль. Эффекта от пощёчины хватило всего ничего. – В свою персональную Красную комнату боли¹⁰?

– Я должен знать что это?

Остановившись перед шлагбаумом, Самсонов поворачивается ко мне с иронично вздёрнутой бровью.

– Тебе бы пошло.

Не знаю, чего там добиваются его психованные тараканы, но мне не страшно. Даже смешно, учитывая предсказуемость пункта назначения.

– Саш, привет! Занят? – Отключившись от хэндс фри, звонит кому-то Кирилл Александрович. Подозреваю, что тому самому знакомому гинекологу. – Скажи своим, пусть пропустят, у меня сложность. – Последнее слово – откровенно ехидно. И что-то там ему отвечают, судя по доносящейся интонации, нелестное, но... – Я в курсе всех твоих профилей, открывай давай.

– Самсонов, ты всерьёз считаешь, что я на это соглашусь?

Даже тыкать в раскинувшийся перед нами медгородок лень.

– А почему нет? – Отъехав на несколько метров назад, чтобы не загораживать проезд Скорым, поворачивается он ко мне. – Если я ради разнообразия окажусь неправ, обещаю, что мы видимся в последний раз. Неплохой для тебя вариант – останешься с контрактом, новым телефоном и без меня.

– А твоему раздутому эго не приходило в голову, что для этого мне необязательно соглашаться? Свободу воли у нас в стране ещё никто не отменял. – Хмыкнув, добавляю: – В плане прохождения медосмотра уж точно.

– Не приходило. – Самсонов сама невозмутимость. – А ещё не приходило, что от меня можно забеременеть и, что веселее, пытаться скрыть этот факт от меня же.

– Хочешь откровение? – Да достал уже! Отстегнувшись, я ставлю локоть на подлокотник и подаюсь к нему настолько близко, что становятся видны тёмные вкрапления в голубых глазах. – Мир не крутится вокруг тебя, Самсонов, – вкрадчивый шёпот, – и я не кручусь.

– Да, Саш. – Даже не думая отклоняться, отвечает он на звонок. – Еду.

¹⁰ Из книги серии «50 оттенков» Э. Л. Джеймс.

Глава 8. Кирилл

Замешенная на желании злость не отпускает, даже когда появляется рослая фигура Киренского Александра Владимировича, заведующего местной гинекологией.

– Что на этот раз? – интересуется он, и мне остаётся только скривиться, представив, что подумала на это Романовская.

У нас и без того всё сложно.

– Эгоизм и тиранические замашки, – выступает она из-за моей спины. – Вы сможете вылечить?

– Увы, милая барышня, это не лечится. Особенно когда случай запущен дальше некуда, – весело фыркает Саша и протягивает ей руку. – Киренский Александр Владимирович, работник этого дурдома. Можно просто Саша.

– Романовская Олеся Сергеевна, – улыбается эта язва так, как ни разу не улыбалась мне, – можно просто Олеся Сергеевна.

– А я смотрю у вас дуэт, – продолжает веселиться он.

– Саш, УЗИ и осмотр сделаешь? – И нет, раздражение усиливается не от их любезностей. И даже не от дружелюбной Романовской.

Просто. Бесит.

– Такой красивой барышне всё что угодно. Хотите, женюсь? – Под моим всё более охреневающим взглядом предлагает он.

– Ты женат.

Пожалуй, можно было обойтись и обычной частной клиникой, а не тащить её по знакомым.

Сомнения? Никаких.

Романовская беременна и беременна от меня, на это я могу поставить годовой оборот «КлутсФина». Спектакль рассчитан исключительно на то, чтобы припереть её к стенке. Во всех смыслах.

– Хотите, женю его? – кивает этот... врач в мою сторону.

– Очень! – не теряется она. – Есть у вас здесь перспективные и незамужние? Очень надо.

– Хм, – подвисает Саша, осмысливая ответ и бросая на меня короткий взгляд. – Если прямо надо – найдём.

– Мы сюда болтать пришли? – Шутки заканчиваются, и, остановившись, он тяжело вздыхает, смотрит на меня с откровенным укором.

– Раздевайтесь. – Перед нами открывается дверь, видимо, ординаторской. – Вещи в шкаф, на ноги бахилы, я подожду в коридоре.

Стол, стулья, шкафы. Чайник, раковина, зеркало. Стандартная обстановка, как в любой из городских больниц.

– Неплохо, – оглядывается Романовская и поворачивается. – Спасибо за экскурсию, мне пора.

Отпустить сейчас? Вот так просто?

– Не уходи. – Тихо и серьёзно, в то время как рука удерживает её за запястье. – Пожалуйста.

– Самсонов, силой заставишь меня остаться?

– Нет, но... ты нужна мне. – Взгляд – глаза в глаза. Пронзительный. Испытующий. – Ты. Мне. Нужна.

– Рехнулся?

– Да. – Просто и легко. Так же, как положить ладонь ей на талию. – Из-за тебя, из-за нашего ребёнка. Сразу после той ночи, которую всё ещё не могу забыть.

– Ты переигрываешь, Самсонов, и это уже даже не смешно, – недовольно качает головой Романовская и пытается высвободиться.

– Не смешно, – вздыхаю и приподнимаю её голову за подбородок. – Ни это, ни то, что мне приходится тебя уговаривать, но я готов. И... ты ничего не потеряла?

– Нет. – Снова раздражается она. – Если ты думаешь, что этот спектакль...

Брелок-рука, которую я достаю из кармана куртки, заставляет её прерваться на полуслове. И даже вырваться Романовская прекращает.

– Узнаёшь? – Качнув на пальце Хамсу, я ловлю её в кулак. – Или?..

– Отдай! – Чужая ладонь накрывает мою руку. – Ты ещё и kleптоманом заделался?

– Всего лишь нашёл. На полу. А что, важная для тебя вещь? – Брелок возвращается в карман.

– Я придушу тебя, Самсонов! – рычит Романовская.

– Обязательно только сначала... Олесь, дай мне шанс. – Прошу, обхватив её лицо ладонями. – Последний шанс доказать, что мне не наплевать. Ни на тебя, ни на него. – Одна рука спускается ниже и осторожно накрывает её живот.

– Это какой-то бред! – фыркает Романовская, уходя от обоих прикосновений.

– Может быть, но почему не попробовать? Рискнуть и, возможно, выиграть.

– Тебя? – хмыкает Романовская.

– Нас.

И что-то в этом «нас» цепляет даже меня.

– Для начала давай просто доверимся профессионалу? – Сомнение в её глазах уже можно считать победой. – Саша хоть и... юморист, но своё дело знает. Разреши мне увидеть своего ребёнка. Ведь моего?

– Твоего, – с кривой ухмылкой признаётся Романовская. И долго молчит. – Хочешь убедить меня, что ты его хочешь? Попробуй. Только не ищи потом оправданий.

– Не буду, – звучит как обещание. Тем более веское, учитывая, как быстро она согласилась.

– И отдай брелок!

– Нет.

– В смысле нет? – Романовская в одно мгновение оказывается рядом. – Самсонов, что за игры?

– Никаких игр, но брелок я отдам тебе только после ужина. – И снова бешенство в синих глазах. – Должен же я как-то убедить тебя в своих намерениях.

– Хор-рошо.

«С-скотина», – так и читается во всём её виде.

– Теперь можно и раздеться. Подозреваю, Саша нас уже заждался.

Вот только, в отличие от меня, одним движением расстегнувшего молнию, Романовская не торопится.

Хуже того, она мстит.

Потому что пальцы с бесцветным аккуратным маникюром как будто с удовольствием тянутся к узлу пояса, медленно освобождая один конец. При этом снова ехидные, глаза прямо и открыто смотрят на меня. А узел продолжает развязываться, и очень оригинально продолжает. Медленно. Чувственно. На грани.

Обхватив пояс ладонью и проходя скользящим движением до самого кончика...

Самсонов, очнись. Она даже пальто ещё не сняла.

Под которым ничего специфического – плотно сидящие джинсы, топ, вязаная кофта, застёгнутая на три нижние пуговицы. Самое то, чтобы бегать по стройкам.

И этот вопрос нам бы тоже обсудить, но его можно перенести и в более располагающую обстановку. Которая в моём мозгу уже ассоциируется с чем-то волнующим, но звонок прерывает оригинальный стриптиз и мои фантазии.

А дисплей высвечивает имя, в сравнении с которым вся реальность – ничто.

– Да?

Больница? Романовская? Всё мгновенно становится нелепым и ненужным.

– Кир, Сашка в тюрьме. – И если поначалу важен лишь её голос, спустя мгновение до меня доходит смысл слов. – У меня Алинка температурит, Вадим в командировке, и мне просто некому больше позвонить! Прости, если отвлекаю...

– Подожди, Кир. – Сумбур в голове начинает приобретать хоть какие-то формы. – Ещё раз, что случилось?

– Только что звонили со Степана Разина, знаешь, где ещё...

– Дальше.

Дверь. Коридор. Удивлённый взгляд Киренского.

– А что дальше? – прерывисто вздыхает она в трубку. – Сказали, что Сашку поймали где-то в центре города за «совершением административного нарушения». Просили приехать и разобраться, а я, как назло, сегодня одна. Ещё и эта простуда... – Пока Кира молчит, я успеваю выйти из больницы и сесть в машину. – Кир, я знаю, что ты занят и, если ты не можешь...

– Прекращай. – Хреновое развода с ней может быть только вот это «если ты занят». – И успокойся, я заберу его.

– Ты уверен?

– Если ты забыла, я всё ещё его отец. – Даже если откровенно хреновый. – Я буду там через десять минут, разберусь и наберу тебя.

– Спасибо! – с облегчённым выдохом. – Я позвоню Вадиму, может, дозвонюсь.

Отключиться гораздо безопаснее, чем объяснять в каком гробу я его видел. Обидится. И снова исчезнет на несколько месяцев, если не на полгода. Плавали, знаем. И Кира знает, поэтому по максимуму избегает любых подробностей своей новой счастливой жизни.

С тем, кто отобрал у меня жену за какой-то грёбанный месяц!

Взвизгнув шинами, машина разворачивается почти на месте и, ведомая моим желанием, вылетает с территории больницы.

Один красный.

Другой.

Кто-то где-то сигналист, но мне не до этого.

«Прости, если отвлекаю...»

Горько усмехнувшись, подрезаю на повороте очередной автобус и заносом ухожу влево. И кто кого должен прощать?

Осознанная вина, привкусом горечи на языке, не идёт ни в какое сравнение с чувством спущенной в унитаз жизни. И кто виноват?

Посмотри в зеркало – узнаешь.

Смотрел, толку-то.

Кира ушла не тогда, когда увидела мою измену. Не тогда, когда собирала вещи, и даже не в зале суда, когда нас развели. Она ушла, когда на её защиту встал рослый детина без признаков интеллекта на лице. Типичный солдафон, который оказался лучшим мужем, лучшим отцом и лучшим хрен знает кем ещё.

Самое громкое падение в моей жизни. И самое убийственное.

Взревев мотором, машина пролетает под жёлтый и сворачивает на ту самую улицу Степана Разина. Областная ГИБДД, и отделение полиции тут же, бок к боку. Удивительно, как зажавшиеся высшие чины терпят такое соседство, но что есть, то есть.

Хватает пары звонков, чтобы меня признали своим и пропустили на служебную стоянку. Сделай эти скупердья нормальную парковку, обошлось бы без крайностей, но её нет. А парковаться перед крыльцом областного ГАИ может, и бесстрашно, но откровенно глупо.

– Вы куда?

Здесь мне бывать ещё не приходилось. И тем приятнее вместо обшарпанных стен видеть на стенах пластиковые панели под дерево. Вот только останавливают меня даже до рамки.

– Сына задержали, мне звонили. – Долгий взгляд не впечатляет уже потому, что исходит от тощего лейтенанта, только-только избавившегося от подростковых прыщей.

– Проходите.

Сказать проще, чем сделать и ещё несколько минут уходит на то, чтобы добраться до местного администратора.

– Самсонов Александр Кириллович, – отчеканиваю, вскинувшемуся было очередному лейтенанту. – Где?

– Седьмой кабинет, – мгновенно теряет он ко мне интерес.

И вот что должен ощущать отец, забирающий сына почти из тюрьмы?

Разочарование? Страх? Вину? Думать, что не справился? Решать, что делать?

Нет.

Ни один нерв не дёргается, когда я открываю дверь седьмого кабинета. Где, прислонившись к стене и развалившись, сидит мой сын. Когда-то – голубоглазый, светловолосый ангел, радующийся тиру и новой папиной машине.

Когда-то.

– Вы кто? – ровно интересуется уже капитан, отрывая глаза от протокола.

– Самсонов Кирилл Александрович.

– Отец? – кивает он одновременно с, раздавшимся от стены, презрительным хмыком.

– Отец. – От того ангела остались разве что глаза, всё остальное заметно прогрессировало и, как по мне, не в лучшую сторону.

– Ну что же, Кирилл Александрович, слушайте...

Глава 9. Кирилл

- Пап, – слышится из-за спины мрачное, без тени раскаяния в голосе.
- Сядь и помолчи. – Приказ из разряда тех, что я привык отдавать.
- Ты можешь хоть раз меня нормально послушать? Хоть один раз... – хлопнув дверью, Сашка поворачивается ко мне и упирается носом в предупреждающе поднятую ладонь.
- Да? – Как же хочется избавить её от этих встревоженных интонаций. Обнять, успокоить, убедить, что со всем справлюсь. – Кир?
- Всё нормально, не переживай, – отвечаю с улыбкой в голосе, – идиотская случайность. Ты же знаешь, как работают наши доблестные мундиры.
- Случайность? – недоверчиво переспрашивает Кира под насупленный взгляд Сашки. Мы разговариваем по громкой связи, и он всё слышит.
- Да какие-то подростки устроили на набережной то ли разборки, то ли ещё чего, а Сашка просто попал под руку. Сгребли, не спрашивая, кто прав, а кто виноват, и привезли в обезьянник всем скопом.
- В смысле попал под руку? – под истошное «Ма-ам!» с того конца трубки, пытается понять Кира. – Каким образом?
- А это ты потом у нашего сына спросишь. – Никакой драмы с моей стороны и болеющая дочь с другой не дают ей уловить ложь. – Заодно научишь, что при виде чужой драки надо уносить ноги, а не подрабатывать миротворцем.
- Вот сейчас кто бы говорил! – окончательно успокаивается Кира. – Сам и объясни, миротворец.
- Скажу. – Мимолётный взгляд на часы. – Кир, мне нужно заехать в одно место, а потом я привезу Сашку к тебе. Устраивает?
- Хорошо, до встречи.
- Увидимся.
- Вдох, выдох и полное непонимание, что делать дальше.
- Обошёл бы и без твоей помощи! – зло фыркает подросток, который, по идее, мой сын. – Надо больно, чтобы ты меня выгораживал.
- Мне перезвонить и рассказать, как всё было на самом деле?
- Возьми и расскажи! – вскидывается Сашка. – Думаешь, напугал? – Презрительный фырк. – Как будто я не знаю, что тебе плевать и на меня, и на маму! Деньги и подстилки – вот весь круг твоих интересов.
- Даже так.
- Мотор послушно заводится, а у меня в голове битва терпения с желанием дать ему подзатыльник.
- А как? Расскажи, ты же самый умный! – Рюкзак летит на заднее сидение. – Или я такой дурак, что не могу сложить два и два? Давно уже понятно, что ты бросил маму ради...
- То есть ты поэтому решил разрисовать памятник Ленину матерными словами? А сопротивлялся при задержании тоже из-за моих отношений с твоей матерью?
- Я не сопротивлялся, – буркнув, он отворачивается к окну.
- Поясни.
- Не буду я ничего тебе пояснять! Протокол подписан? Подписан. Всё, финиш.
- Саша! – рык вырывается помимо воли, но мне можно. День сегодня вышел тот ещё.
- Алекс, – с кривой улыбкой поправляет Сашка. – Но откуда тебе знать...
- Раздавшийся в машине звонок прерывает выяснение отношений.
- Саш, давай результат ты мне отправишь на почту? – Опережаю я все возможные фразочки Кириллового. – Я не один и на громкой связи.

Разочарованно покачав головой, Сашка, который Алекс, отворачивается.

– Было бы что отправлять, – хмыкает тот.

– В смысле? – Красный. Можно отключиться от дороги, переведя всё внимание на дисплей. – Я... – Короткий взгляд на спину сына и мат. Цветастый и где-то глубоко в душе. – Что ты имеешь в виду?

– Твоя Олеся Сергеевна ушла.

Зар-раза.

– Куда ушла? – ровно интересуюсь я и трогаюсь с места, резко перестраиваясь в правый ряд. Обещанные Кире дела внезапно закончились.

– Ну, не в одном с тобой направлении это точно. И на твоём месте я бы пошевеливался, потому что настроение у неё убийственное.

– Тебе-то откуда знать.

Не убедил. Не дожал.

Не хватило ни времени, ни обстановки. Да и, откровенно говоря, о Романовской мозг вспомнил уже на подъездах к Степана Разина.

– В отличие от тебя, в женщинах я разбираюсь, и не только с физиологической точки зрения. – Самодовольно изрекает Киренский и отключается.

Но в таком настроении Сашке хватит и этих нескольких фраз.

Удивительно, как хорошо мы ладили ещё пару лет назад, и тем хреннее понимать, к чему пришли сейчас.

Когда перед прошлым Новым годом Сашка впервые отказался со мной встречаться, я списал выходку на переходный возраст. Когда две недели спустя он перестал брать трубку, Кира убеждала подождать. Притормозить разборки, потерпеть.

Моего терпения хватило на полгода, а после... Впервые за пятнадцать лет мне захотелось взять в руки ремень, вот только вместо этого я ушёл. Проглотив все Сашкины обвинения. Понимая, что он перерастёт и это. Когда-нибудь.

Пока не перерос.

– Значит так, – привлекаю я внимание сына, – дома расскажешь версию, которую я озвучил Кире по телефону, со всем остальным я разберусь.

– Разберёшься, как же!

Резкая остановка бросает его вперёд, насколько позволяет ремень. Кто-то сзади тормозит и истерично сигналит, но и плевать. Оставив одну руку на руле, я поворачиваюсь к Сашке.

– Ни ты, ни кто-либо другой не несёт ответственности за мои решения. Плохие, хорошие – неважно. Всё, что я получаю – следствие только моих поступков, а вот твои приходится разгребать другим. – Практически невозможно вынести такой мой взгляд, и Сашка опускает глаза. – Претензии? Вопросы?

Опускает не виновато – зло. Мгновенно ожесточившись на то, что я прав.

Потому что каким бы ни был я, какой бы ни была Кира, но Сашка так и остаётся тем, кто всё ещё связывает нас обоих. И будет связывать всегда. За одно только это он получал всё, что хотел.

Всё.

И поэтому решил, что может меня судить?

Дерьмовый день.

Вернувшись к дороге, я отключаюсь от машины. Зажимаю телефон между ухом и плечом, набираю Романовскую, но она не отвечает.

Один звонок, второй, третий. На четвёртом вызов сбрасывается, а пятый приятным женским голосом сообщает, что «Абонент временно недоступен».

Так, значит?

К нужному дому мы подъезжаем минут через пятнадцать. Молча. Не смотря друг на друга.

– Насчёт ареста тебе всё ясно? – уточняю ещё раз перед тем, как набрать номер квартиры.

– Ясно, – вызывающе вскидывается Сашка. – Я больше тебя беспокоюсь о мамином спокойствии.

– Оно и видно.

Двор. Ещё один домофон. Подъезд.

Сурового вида мужик в качестве консьержа. В военной форме. Он кивает Сашке, а меня окидывает нечитаемым взглядом.

Да, моя персона никому из них не нравится.

– Ну, наконец-то! – Кира не меняется. – Как ты умудрился? – Короткий подзатыльник заставляет Сашку вжать голову в плечи. При том что он уже выше её.

Но это половина беды. Гораздо хуже, что проходят года, а ничего не меняется – у меня всё также заканчивается дыхание при одном только взгляде на неё. И страшно даже представить, что было бы без того номера в «Надежде»¹¹. Счастье и пятилетняя девочка с моими глазами и моим именем в свидетельстве о рождении.

И Кира, с глазами, полными боли.

Каким бы скотом я ни был, но даже мне хватает совести признать, что так ей лучше. С ним лучше.

Признать, но не смириться.

– Мам, – смущённым басом, – да я не специально! Ты же знаешь, когда у ментов облава, гребут всех без разбора.

– Я тебе дам ментов! – Ещё один подзатыльник, потом поцелуй в щёку и грозное: – Чеши к себе, потом поговорим.

– Уже поговорили. – Смешно всё-таки смотреть, как Сашка боится Киры. Хотя, скорее, преклоняется перед главной женщиной в своей жизни. И это у него от меня. – Он всё понял, к утру переварит и придёт каяться. Как Алина?

– Спит, – мягко, светясь изнутри, улыбается она. – Какую-то вирусную дрянь подхватила, температура под сорок, с трудом сбила жаропонижающим... прости, тебе неинтересно. Зайдешь?

– Мне интересно, Кир. – Тихо и безнадежно. Так как ни с кем и никогда. В миллионный раз держа себя в руках. – И нет, заходить я не буду.

– Кирилл, – огорчённый укор, и да, тоже в миллионный раз.

– Мой номер ты знаешь. – Вместо всех тех тысяч слов, которые хочется ей сказать. К молчанию мне тоже пришлось привыкнуть. – Пока.

– Подожди, Сашка захочет...

– Сашка не захочет, – с усмешкой покачав головой, я берусь за ручку двери.

Которая в этот же момент начинает поворачиваться. С той стороны.

– Кирилл. – Просто как принятие того отвратного факта, что и для меня есть место в этом мире.

– Урманов. – Последние десять лет на его имя у меня стойкая аллергия. – Какая быстрая у тебя командировка.

– Семья важнее... для меня.

Сколько раз мы пересекались вот так, в дверях, и каждый раз одно и то же.

– Моя семья, – издевательская усмешка в ответ.

– Вадим! – Но всё, солдафон мгновенно забывает обо мне и пропадает в её взгляде и её объятиях.

¹¹ Подробнее в книге «Пантера для Самсона».

И чёрта с два я стану на это смотреть.
Тем более что ужин с Романовской никто не отменял.

Глава 10. Олеся

Вздрыгнув от трели дверного звонка, я понимаю, что заснула прямо над GreenTeam.

Шея затекла так, что стоит большого труда повернуть голову, спина болит, а в Архикаде¹² творится какой-то треш. Отложив ноутбук, решаю, что отменить бредовые правки могу и потом.

Звонок в дверь прекращается на какие-то несколько секунд, чтобы заголосить с удвоенной силой.

20:45.

После сегодняшнего Самсонов всё ещё рассчитывает на ужин? Да он оптимист. Наглый зажавшийся оптимист, который решил, что может просто отвернуться и уйти после всех своих слезливых заявлений.

Кто там недавно хотел в цирк? Получите-распишитесь, Самсонов на арене.

Дз-зынь.

– Чёрт!

Встать получается со второй попытки, поджатые под себя ноги колет мелкими, противными иголками от колена до голени. Радуюсь, что мои метры очень даже скромные, припадая на левую ногу, я добираюсь, наконец, до двери.

– Самсонов, да ты достал!

И распахиваю её на всю ширину, не потрудившись посмотреть в глазок. В эпоху домофонов в него давно уже никто не смотрит.

– А я?

За последние три года Владан Шумерский не изменился – всё те же наглые карие глаза, всё тот же художественный беспорядок на голове, всё те же паскудные замашки. Те самые, которые позволяют этой скотине взять и заявиться ко мне домой после всего, что он исполнил.

Сразу захлопнуть дверь не получается – мешает ботинок из светло-коричневой замши. И сломать бы тот ботинок вместе с ногой, но моих сил для этого, увы, не хватит.

– Лесь,пусти, я пришёл просто поговорить! – Он вцепляется в торец двери, а у меня, как назло, под рукой нет ничего тяжёлого.

– Шумерский, ты меня обокрал! Если я и пущу тебя, то только пинком с балкона. – Чистое, ничем не замутнённое бешенство накрывает так, что прерывается дыхание.

¹² Архикад – программный пакет для архитекторов, основанный на технологии информационного моделирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.